PG 3447
.V5 A17

1855

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

Viazemskii, Petr. Andreevich, knīaz'.

Shest' stikhotvoreniĭ.

ШЕСТЬ СТИХОТВОРЕНІЙ

Кн. Вяземскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
—
1855.

PG 3441
.V5 A17
1855

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. — С.-Петербургъ, Октября 26 1855 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

Въ Типографіи II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

zL 24 Дид 73

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ

АЛЕКСАНДРѢ ѲЕОДОРОВНѢ

съ глубочайшимъ благоговѣніемъ посвящаетъ

авторъ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1) Мы въ сторонѣ чужой, но сердце наше дома.

2) При Ней намъ вѣетъ на чужбинѣ.

3) 6-е Декабря.

4) Плачъ и утѣшеніе.

5) Императоръ умираетъ.

6) О Матери Его.

I.

Мы въ сторонѣ чужой, но сердце наше дома.
Подъ гуломъ дальнихъ сѣчь и боеваго грома
По родинѣ сильнѣй тоскуетъ въ насъ любовь.
Жизнь братьевъ—наша жизнь, и кровь ихъ—наша кровь.
Предъ нами носятся намъ дорогія лица,
И доброй вѣсти ждетъ о нихъ нашъ жадный слухъ!

Предъ образомъ Твоимъ, Супруга, Мать, Царица!
Благоговѣетъ мысль, и умиленный духъ
Возноситъ къ Промыслу и слезы, и моленье:
Да сохранитъ въ Тебѣ Онъ бодрое смиренье,
Да сыновей Твоихъ благословитъ Онъ путь,
И бурнымъ днямъ во слѣдъ да снидетъ утѣшенье,

Въ Твою тройной тоской тоскующую грудь!

Души Твоей—и намъ тревоги не чужія;

Съ Тобою нашъ союзъ—святой союзъ сердецъ;

Твой Царь и Твой Супругъ—Нашъ Царь и нашъ Отецъ.

На мощныхъ раменахъ Его лежитъ Россія,

Онъ стражъ передовой, Онъ щитъ и мечъ ея!

Предъ Божіимъ судомъ предстатель Онъ народу,

И утвердилъ на Немъ жизнь нашу, честь, свободу

Царей и Царствъ земныхъ Господь и Судія!

Всѣхъ думъ, заботъ Его душа Твоя зерцало.

Идти однимъ путемъ Васъ Небо сочетало:

Орелъ простеръ свое могучее крыло

Надъ нѣжною, къ Нему слетѣвшей, голубицей.

Твой величавый станъ облекъ Онъ багряницей,

Онъ свѣтлое Твое и кроткое чело

Съ любовью осѣнилъ вѣнцомъ Своей Державы.

Въ день тяжкій Ты Ему отрадою; въ день славы
Ты лучшей радостью торжественнаго дня.
Когда жъ, неистовствомъ умы воспламеня,
Коварство съ злобою вражды подъемлютъ знамя
И на святую Русь несутъ и мечъ и пламя,
И твердо опершись на вѣрный Свой народъ,
Нашъ Царь, предавъ Себя святому правосудью,
Возвышеннымъ челомъ и богатырской грудью
Встрѣчаетъ злой напоръ враждебныхъ непогодъ:
Ты бодрствуешь при Немъ, какъ Ангелъ благодати!
Ты молишься о Немъ, о нашей храброй рати,
О Русской братіи, о милыхъ Сыновьяхъ,
Которые, кипя отвагою въ бояхъ,
Младые воины, подъ знаменемъ Христовымъ,
Воспламеняютъ рать одушевленьемъ новымъ!

О, вѣрь, и Твой народъ сочувствуетъ съ Тобой.
За Нихъ и за Тебя и онъ творитъ молитву,

Имъ въ слѣдъ душой летитъ въ пылающую битву;
Готовъ Ихъ оградить твердынею живой;
Своей бы жизнью радъ жизнь милую удвоить,
Чтобъ сердце Матери сберечь и успокоить.
Его любовь растетъ со злобою враговъ.
Твою семью, Твое сокровище и радость,
Цвѣтущихъ Дочерей и красоту, и младость,
И мужественный пылъ Твоихъ младыхъ Сыновъ—
Любовью матери Россія возлюбила,
И съ Царскою Семьей семью свою сроднила.
Несокрушимъ народъ, неодолима рать,
Въ которой каждый жизнь Отчизнѣ радъ предать!

А мы, родной семьи разрозненныя чада,
Ея мы жизнью здѣсь живемъ на зло судьбѣ!
Намъ, грустнымъ странникамъ, въ чужбинѣ, намъ отрада—
Любовью нашей быть и мыслью при Тебѣ.
Улыбкой женскою и Царскимъ снисхожденьемъ

Дань преданныхъ сердецъ, даръ скудный удостой!

Ты издали была намъ свѣтлымъ вдохновеньемъ,

И наша пѣснь Тебѣ — привѣтъ землѣ родной!

Вевé. 1854 г.

II.

При Ней намъ вѣетъ на чужбинѣ
Благоуханіемъ роднымъ,
И все родное, какъ въ святынѣ,
Слилось въ Ней знаменьемъ живымъ.

Ея улыбкой согрѣваясь,
Душа въ насъ грустныхъ думъ чужда:
Въ Ней словно свѣтитъ, улыбаясь,
Намъ милой родины звѣзда.

Родной рѣки волна младая,
Цвѣтъ юный съ царственныхъ вѣтвей,

Она поэзія родная,

Народной были отблескъ въ Ней!

Какъ величаво и красиво

Свѣтлѣетъ Русь въ Ея лицѣ!

Какъ смотримъ мы самолюбиво

На яхонтъ свой въ чужомъ вѣнцѣ!

Завидно намъ, что кладъ сей милой

Отторгнутъ отъ родной земли,

И что судьбы, всевластной силой,

Его въ край дальній занесли!

Но въ грусти мысль насъ утѣшаетъ,

Что наша Русская Семья

Блескъ благодатный проливаетъ

И на далекіе края;

Что какъ въ минувшемъ, такъ и нынѣ,
Народа чуждаго любовь,
Не измѣнивъ Екатеринѣ,
Ее встрѣчаетъ въ Ольгѣ вновь!

Когда при Ней церковнымъ пѣньемъ
Въ насъ умиляются сердца,
И всѣ съ колѣнопреклоненьемъ
Мы молимъ Вышняго Творца:

За нашу Русь, за Православье,
За славу Царскаго вѣнца,
И за побѣды и за здравье
Ея Державнаго Отца;

Теплѣй молитвы наши льются
И орошаются глаза;
Когда на наши отзовутся
Ея молитва и слеза.

И въ чистыя мгновенья эти

Мы чувствуемъ внутри сердецъ,

Что съ Ней одной семьи мы дѣти,

И что одинъ у насъ отецъ!

Канштаттъ.

30 Августа / 11 Сент. 1854 г.

III.

6 ДЕКАБРЯ 1854.

День намъ радостный и славной,
День шестаго Декабря:
Праздникъ Руси Православной,
Праздникъ Русскаго Царя!
Всѣ сочувствія родныя
Сочетались съ этимъ днемъ:
Именинница Россія
Въ Именинникѣ своемъ.

Весь народъ нашъ богомольный
Въ этотъ день спѣшитъ во храмъ:
Звонъ и грохотъ колокольный
Раздается по сердцамъ.

Движетъ всѣхъ одно движенье!
Предъ святыней алтаря
Мысль одна, одно моленье:
Господи, спаси Царя!

Многолѣтіе поется;
И отъ ратнаго шатра
До палатъ и хатъ несется
Богатырское «ура!»
Этотъ кликъ не отзывъ тщетный!
Онъ наслѣдственный у насъ,
Онъ пророчески-завѣтный:
Гласъ народа Божій гласъ.

Въ этомъ кликѣ, намъ знакомомъ,
Слышимъ заповѣдь отцовъ;
Оглушая ихъ, какъ громомъ,
Въ трепетъ онъ бросалъ враговъ.

Пусть намъ строятъ козни злыя,

Будетъ то, что̀ было встарь:

Отстоитъ Царя Россія!

Отстоитъ Россію Царь!

Стуттгартъ.

IV.

ПЛАЧЪ И УТѢШЕНІЕ.

18 ФЕВРАЛЯ. 17 АПРѢЛЯ.

1855.

Я пѣлъ Его. Любовь мой стихъ одушевляла.
Я отголоскомъ былъ народнымъ; и мой стихъ,
Мой задушевный стихъ Россія повторяла,
Какъ собственную мысль и отзывъ чувствъ своихъ.
Но обратилась пѣснь въ надгробное рыданье:
На мужественный кликъ печаль отозвалась.
Изъ богатырскихъ душъ исторгнулось стенанье,
И Русская Земля слезами залилась.

Нашъ якорь въ пристани, нашъ въ бурю вѣтръ попутный,
Нашъ крѣпкій Вождь, булатъ и щитъ и булава,
Нашъ прозорливый стражъ, всеобщій, всеминутный,

Россіи мощной грудь, душа и голова,
Нашъ Царь, нашъ Николай лежитъ въ безмолвномъ гробѣ!
Глядимъ—и мнится намъ, что видимъ страшный сонъ;
Не вѣрится любви, не вѣрится и злобѣ,
Что палъ, что могъ Онъ пасть: такъ былъ державенъ Онъ!
Міръ, вздрогнувъ, онѣмѣлъ подъ роковымъ ударомъ;
Обрушилась скала, твердыня Русскихъ силъ,
Пріютъ и всѣмъ оплотъ, когда, въ разливѣ яромъ,
Потокъ свирѣпыхъ волнъ міръ затопить грозилъ.

Россія Имъ жила, какъ жилъ и Онъ Россіей.
Онъ первый былъ изъ насъ, не властью, не вѣнцемъ,
Но тѣмъ, что духъ сроднивъ съ народною стихіей,
Онъ Русской доблести былъ высшимъ образцемъ.

Въ Немъ зрѣлся Русскій Царь; станъ стройный, величавый,
Орлиный взглядъ; чело запечатлѣла честь;
Плеча, могущія подъять судьбы Державы,

Готовыя народъ чрезъ бездну перенесть;
И духъ державный въ Немъ подъ ростъ Его былъ стану.
Онъ вѣнценосецъ былъ и духомъ и челомъ.
Царь-рыцарь, вѣренъ былъ Онъ Царственному сану;
Царь-честный человѣкъ, Онъ чести былъ рабомъ.
Желѣзной волей былъ Онъ крѣпокъ и упоренъ,
Затѣмъ, что въ совѣсти Онъ закалилъ ее;
Что долгу, какъ земной святынѣ, былъ покоренъ
И посвятилъ ему Свой путь и бытіе.
Себя и Свой народъ предавъ смиренно Богу,
Онъ духомъ не слабѣлъ, какъ ни былъ силенъ врагъ.
Событій валъ предъ Нимъ перечилъ ли дорогу?
Съ пути прямаго Онъ не отступалъ на шагъ.

И мощный дѣлатель отторгнутъ былъ отъ дѣла
Въ пылу труда, въ бою враждебныхъ силъ, когда
Зиждительная мысль въ груди Его кипѣла,
И бодро несъ одинъ отвѣтственность труда.

Изнемогаетъ мысль, предъ Промысломъ нѣмѣя.
Кто съ таинства Его дерзнетъ покровъ совлечь?
Россія, вѣруя, скорбя, благоговѣя,
Безропотнымъ слезамъ даетъ свободно течь.

Онъ жилъ Царемъ; какъ Царь и умеръ смертью славной:
Послыша, что Его грядущій часъ зоветъ,
Дѣла земныя сдалъ нашъ труженикъ Державной,
Небесному Царю готовясь дать отчетъ.
И смертный одръ Его возросъ другимъ престоломъ,
Который всѣхъ земныхъ престоловъ выше сталъ;
И никогда еще столь царственнымъ глаголомъ,
Какъ въ часъ послѣдній, Царь души не обнажалъ.
Душа созрѣла въ Немъ подъ зноемъ испытаній
И свѣтлой красотой покорства облеклась,
Зажглась кадильница святыхъ благоуханій
И къ Небу, жертвою вечерней, вознеслась.

Благодаритъ Его Россія съ умиленьемъ
За Царскіе труды, за блескъ и честь вѣнца,
За то, что вѣрилъ ей, что Онъ съ самозабвеньемъ
Любилъ ее, и былъ ей вѣренъ до конца;
Благодаритъ Его за миръ и за побѣды,
За то, что духъ Петра Его проникнулъ грудь;
Что бодро довершалъ чего желали дѣды,
Что Внукамъ проложилъ въ грядущемъ къ славѣ путь.
Но въ горестныхъ слезахъ и за Его кончину
Царя благодаритъ Россія.... Въ этотъ часъ,
Онъ помысловъ своихъ, всѣхъ чувствъ, всѣхъ дѣлъ причину
Раскрылъ, явясь чѣмъ былъ предъ Богомъ и для насъ.
Духовнымъ торжествомъ и блескомъ свѣтозарнымъ
Увѣковѣчилъ Онъ народную печаль,
И день сей вѣчныхъ слезъ, потомствомъ благодарнымъ
Внесется свѣтлымъ днемъ въ народную скрижаль.
Мірскую лѣтопись Царей и царствъ прочтете,
Прекраснѣй смерти сей въ преданьяхъ не сыскать,

И умилительнѣй картины не найдете,
Какъ этотъ смертный одръ—походная кровать
Свой царственный походъ свершившаго во славѣ,
Того, Кто тридцать лѣтъ, какъ воинъ на стѣнѣ,
Съ Престола прослужилъ народу и Державѣ,
Родной твердыни стражъ и щитъ, внутри и внѣ!

Нѣтъ, славы суетной любостяжатель жадной,
Привыкшій попирать народныя права,
Не такъ, развѣнчанный рукою смерти хладной,
Готовится на судъ земли и Божества!
Нѣтъ, потухающимъ, но ясно-мирнымъ окомъ,
Не такъ окинетъ онъ прошедшаго пути,
И почестямъ земнымъ на поприщѣ высокомъ
Не такъ проговоритъ послѣднее «прости!»
Предсмертную тоску кончины неизбѣжной
Ему ли усладить, прощаяся съ семьей,
Бесѣдою любви родительской и нѣжной,

И словомъ, мудрости духовной и земной
Ему ли быть другимъ отрадой въ часъ разлуки,
Всѣхъ вспомнить, всѣхъ къ одру призвать, благодарить
И, къ Богу вознеся молитвенныя руки,
Ихъ съ крестнымъ знаменьемъ на ближнихъ опустить?
А такова была кончина Николая!
Какъ царствовать—Царямъ Онъ жизнью образецъ:
Прекрасной смертью жизнь прекрасную вѣнчая,
Онъ всѣмъ намъ далъ примѣръ, какъ встрѣтить дней конецъ.
Въ Немъ доблестной души часъ страшный не встревожилъ;
Въ часъ скорби, въ душу мракъ унынья не проникъ.
Онъ отжилъ для земли, но для безсмертья ожилъ:
Великъ Онъ жизнью былъ, и смертью Онъ великъ!

Ужель предъ свѣтлою торжественностью гроба,
Предъ этой смертною святыней, клевета
Не замолчитъ? Ужель не укротится злоба,
И правда не замкнетъ злорѣчію уста?

Иль одичалому въ безумствѣ поколѣнью
И нынѣ дань платя непстовымъ страстямъ,
Великаго врага рукоплескать паденью,
Когда Онъ Господу сдался, а не врагамъ?

Не мира просимъ мы, предъ вами не робѣя;
Враждуйте: вашею враждой не дорожимъ:
Умѣя побѣждать и умирать умѣя,
Мы даромъ чести вамъ своей не отдадимъ.
Но именемъ Того, Который смертныхъ судитъ,
Предъ Кѣмъ обнажены и души и умы,
Кто въ совѣстяхъ нѣмыхъ упрековъ голосъ будитъ,
Мы заклинаемъ васъ, для васъ же молимъ мы:
Не оскорбляйте вы Его священной тѣни;
Живаго не познавъ, смиритесь хоть предъ ней!
Предъ гробомъ весь народъ, склонившись на колѣни,
Свидѣтельствуетъ вамъ о горести своей.
Народная любовь—Царямъ свидѣтель вѣрный;

Загробная любовь—уже потомства судъ.
Надъ прахомъ Царскимъ плачъ есть плачъ нелицемѣрный—
И Ангелы съ небесъ въ завѣтный свой сосудъ
Сбираютъ слезы тѣ, какъ жертвоприношенье,
Дань безкорыстную признательной земли.
Иль Праведника смерть и скорби выраженье
Ожесточенныхъ чувствъ смягчить въ васъ не могли?

Онъ и предъ вами чистъ! И, чуждый укоризнѣ,
Онъ васъ не вызывалъ на сей смертельный бой.
Васъ раздражала въ Немъ Его любовь къ отчизнѣ;
Безсовѣстно Ему вы ставили виной,
Что Онъ не предалъ вамъ народной нашей чести,
Что помнилъ Онъ отцовъ наслѣдье—долгъ и санъ,
Что вамъ не уступалъ, въ угоду вашей мести,
Правъ, купленныхъ рукой и кровью Россіянъ.

Вы не могли понять, понять вы не хотѣли,

Что не корыстью насъ влечетъ къ себѣ Востокъ,
Что, вѣру воспріявъ изъ сей святой купели,
Равноапостольный нашъ Князь, нашъ вождь-Пророкъ,
Россіи завѣщалъ быть дщерью ей послушной,
На стражѣ за нее противъ враговъ стоять—
И, въ жертвенную дань любви великодушной,
И жизни не щадить за братьевъ и за мать.
Страдальческій ихъ вопль, ихъ язвы, ихъ оковы
Тревожатъ совѣсть въ насъ, намъ раздираютъ грудь:
Мы приняли обѣтъ священный и суровый;
Намъ Промыслъ указалъ нашъ подвигъ, долгъ и путь.
Но вамъ, во тмѣ страстей боготворящимъ злато,
Зарывшимъ жизнь свою въ земные барыши,
Уразумѣть ли вамъ, что безкорыстно-свято,
Что жертвами любви свѣтлѣетъ жизнь души?
Вамъ это тщетный звукъ, мечта иль къ цѣли скрытной
Предлогъ; тутъ зрите вы завоеваній страсть;
Обѣтъ защитой быть неволѣ беззащитной —

Личина, чтобъ вѣрнѣй себѣ присвоить власть.

Но Царь нашъ сердцемъ внялъ призыву Провидѣнья:
Посредникомъ Онъ сталъ межъ жертвой и бичемъ,
И властью древнихъ правъ, и гласомъ убѣжденья
Онъ миротворцемъ быть хотѣлъ, а не врагомъ.
И подвигъ сей святый, задуманный любовью,
Вы предали земнымъ страстямъ на произволъ;
Сей чистый подвигъ вы, вы обагрили кровью:
Изъ блага извлекли источникъ бѣдъ и золъ.
Не вы ль соблазномъ лжи и кознями коварства
Подъяли на Царя всѣ страсти, всѣ вражды,
Подвигнули на насъ полки, народы, царства,
Чтобъ затоптали Русь губительства слѣды?

Но бодрствуемъ еще подъ горестью утраты.
Онъ палъ, но духъ Его въ народѣ не угасъ.
Мы плачемъ, мы скорбимъ, но слезы наши святы:

Мы молимся о Немъ,—Онъ молится за насъ:
Да съ честью вынесть намъ годину испытаній,
Умѣть, какъ Онъ умѣлъ, терпѣть и уповать,
И да Господь побѣдъ, щедродъ и воздаяній
Хранитъ Его Семью, народъ Его и рать!
На скорбь великую великимъ упованьемъ
Онъ воспиталъ для насъ Преемника-Царя:
На Русскій небосклонъ взошла обѣтованьемъ
Изъ сѣней смертной тмы дня новаго заря.

Тебя, о, юный Царь, Россія воспріяла
Изъ охладѣвшихъ рукъ Владыки и Отца.
Его любовь Твоей любви насъ завѣщала—
И въ насъ на сей завѣтъ откликнулись сердца.
И Твой народъ, какъ Ты, осиротѣвъ, рыдаетъ:
Ты памятью Отца его усынови!
Души безсмертной плодъ, любовь не умираетъ:
И плачъ нашъ по Отцѣ будь Сыну пѣснь любви!

Нашъ славный Кремль Тебѣ былъ славной колыбелью,
А воспріемницей вся Русская Земля:
Въ народномъ торжествѣ надъ свѣтлою купелью
Святыня древняго и новаго Кремля,
И Царскихъ тѣней ликъ съ Петромъ, съ Екатериной,
И доблестью Отцевъ нетлѣнные вѣка
Съ побѣдоносной Ихъ и свѣтлою дружиной,
И Онъ, еще живый, Котораго рука
Высоко вознесла честь Русскаго Народа,
Дала Европѣ миръ въ возмездье за войну,
Благословенный Царь Двѣнадцатаго Года,
Въ одну молитву всѣ сліявшись, въ мысль одну,
Пророчески Тебѣ на Царство указали,
Благословивъ Тебя Наслѣдникомъ Своимъ—
И Кремль и вся Москва, гордясь, вострепетали,
Помолодѣвъ съ Тобой, младенцемъ ихъ родным.
Пророчество сбылось; и Отрокъ Провидѣнья,
Кремлевскій Отрокъ—Царь, всея Россіи Царь!

И тамъ, гдѣ встрѣченъ былъ Онъ таинствомъ крещенья,
И царственный елей Ему прольетъ алтарь.

Кто въ знаменьи святомъ не узритъ отпечатка
Руки, ведущей ходъ свѣтилъ и смертныхъ дѣлъ?
Кто не признаетъ здѣсь грядущихъ благъ задатка,
Который намъ со стѣнъ Кремлевскихъ просвѣтлѣлъ?

Вѣрь и надѣйся, Царь! Твой подвигъ многотруденъ;
Но доблестной душѣ нѣтъ жатвы безъ трудовъ.
Народъ Твой весь съ Тобой; могущъ онъ, многолюденъ,
И каждый за Тебя въ немъ умереть готовъ.
Дни опытовъ и грозъ грядущей жизнью полны;
Достигнемъ цѣли мы упорствомъ и борьбой.
Нѣтъ, не затопятъ насъ племенъ враждебныхъ волны;
Нѣтъ, свято устоитъ Россія предъ враждой!
Иль духъ нашъ оскудѣлъ? иль руки безоружны?
Иль чести гласъ и долгъ въ насъ могутъ онѣмѣть?

Миръ и война равно въ народной жизни нужны:
Въ пылу огня дано желѣзу отвердѣть.

Ты вырвешь ли намъ миръ изъ рукъ вражды усталой,
Напрасно противъ насъ зазубрившей свой мечъ,
И въ буряхъ съ давнихъ лѣтъ Россіи возмужалой
Дашь въ славной тишинѣ почить отъ славныхъ сѣчь,
И силою любви и мысли благодушной
Упрочишь Ты странѣ дары державныхъ рукъ:
Благихъ законовъ власть, законамъ судъ послушной,
Промышлености жизнь и свѣтлый духъ наукъ?
Иль въ злобѣ закоснитъ врагъ дерзкій и лукавый?
Тебѣ весь пламень душъ! Тебѣ вся наша кровь!
На мирные труды, на подвигъ ратной славы
Сподвижникъ Твой и стражъ—народная любовь!

Баденъ-Баденъ.

V.

ИМПЕРАТОРЪ УМИРАЕТЪ.

«Императоръ умираетъ

«И прощается съ Москвой»

Тайно вѣсть перелетаетъ

Отъ столицы до другой.

Роковая вѣсть минуетъ

Молча села, города,

И народъ нигдѣ не чуетъ,

Что летитъ надъ нимъ бѣда.

Надъ безпечною Москвою

Громъ безоблачный упалъ,

И смертельною тоскою

Вздрогнулъ Кремль и возрыдалъ.

Онъ облекся скорбнымъ мракомъ;
Тщетны слабыя слова!
И безмолвно крестнымъ знакомъ
Осѣняется Москва.

Волѣ Господа послушно
Покорившійся въ слезахъ,
Весь народъ единодушно
Палъ съ молитвою во прахъ.
Для любви его печальной,
Ужъ другой отрады нѣтъ,
Какъ душевной и прощальной
Царской памяти привѣтъ.

Сей привѣтъ любви тоскуя,
Все твердитъ онъ наизусть,
Имъ питая, имъ врачуя
Сокрушительную грусть.

Что за ясность, безмятежность
Передъ ужасомъ конца,
И любви сыновней нѣжность,
И заботливость Отца!

Никогда любви подобной
Міръ примѣра не видалъ:
Никогда привѣтъ предгробной
Такъ отрадно не звучалъ.
Царь любовью сердобольной,
Землю Русскую любилъ
И въ лицѣ Первопрестольной
Онъ ее благословилъ.

Слово Царскаго прощанья,
Слово любящей души,
Ты, Москва, въ свои преданья
Благодарно запиши.

Ты съ святыней Мономаха
И духовный сей клейнодъ,
Чуждый тлѣна, чуждый праха,
Передай изъ рода въ родъ.

VI.

«О МАТЕРИ ЕГО.»

«О Матери Его», о Матери-Царицѣ,
О Ней, еще вчера, счастливѣйшей изъ женъ,
А нынѣ плачущей вдовицѣ,
Которой духъ мечемъ смертельнымъ пораженъ,
О Ней, предъ алтаремъ, молитвенное слово
Въ душѣ моей всегда особенно звучитъ:
Такъ непривычно намъ, такъ ново,
Такъ грустно, столько слезъ оно въ себѣ таитъ.

Предъ Царскою Вдовой, Вдовою Николая,
Кто въ счастьѣ, иль въ слезахъ смириться неготовъ?
Земная слава, скорбь земная,
Сосредоточились въ сближеньи этихъ словъ.

Величію Ея—несчастье соразмѣрно,
Въ Ней высшій образецъ всѣхъ благъ и всѣхъ утратъ.
Предъ Ней, кто можетъ суевѣрно
За яркимъ полднемъ ждать и радостный закатъ?

Что въ царскомъ блескѣ Ей, когда душа уныла
И смертью сокрушенъ любви Ея кумиръ!
Не царскій блескъ Она любила:
Супругъ Ей былъ престолъ и блескъ и цѣлый міръ.
И въ этомъ мірѣ Ей всего дороже нынѣ,
Не то, что̀ міръ даетъ, а то, что̀ смерть взяла:
Душей живетъ она въ святынѣ,
Гдѣ милый гробъ сокрылъ все то, чѣмъ жизнь цвѣла.

Утратъ душевныхъ жизнь ужъ замѣнить не можетъ,
Возмездій на землѣ тѣмъ жертвамъ не найти.
Единый Тотъ, Кто крестъ возложитъ
И силу дастъ, чтобъ крестъ съ покорностью нести.

О, будемъ за Нее молиться мы!—къ молитвѣ
Съ святилища любви нисходитъ благодать:
Уязвленнымъ въ житейской битвѣ,
Молитва миръ дастъ, чтобъ язвы врачевать.

А ты, въ любви своей народъ благонадежной,
Ты, помнящій добро и данный разъ обѣтъ,
Ты окружи любовью нѣжной
Ее, живый символъ Того, Кого ужъ нѣтъ;
Въ дни счастья ты любилъ Царицу; въ день напасти,
Въ день скорби, возлюби Ее еще нѣжнѣй:
Изъ упоеній Царской власти,
Народная любовь одна осталась Ей.

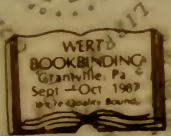
Стуттгартъ.
1855 г.

W17

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

THE LIBRARY OF CONGRESS



LIBRARY OF CONGRESS
00023288692